

Квест 2. Куокалла.

Дети – культурные люди.

Персонажи: Сходить в разные места, исповедь хулигана

- **Есенин**
- **Анненкова**
- **Дети – художники/писатели/поэты**

Еще в Москве я начал немножко писать для журнала, так 1–2 стишка. Из-за проблем с алкоголем я ушел из института, познакомился с Корнеем Чуковским.

*Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгlistом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?*

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

*Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.*

*Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.*

*Я хожу в цилиндре не для женщин —
В глупой страсти сердце жить не в силе, —
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.*

*Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.*

*И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мгlistом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.*

Началась война. Я решил переехать в Петербург, и в один из первых дней, Корней Чуковский, про знакомство с которым я уже рассказал, позвал меня в Куокаллу. Это место, где в наше время собирается культурное общество, писатели, поэты, художники – ну вы понимаете. Так вот Чуковский пригласил меня к художнице Анненковой, где собирался довольно узкий круг ее знакомых, и, кроме Чуковского, я там никого не знал. В тот вечер я обещал себе не пить, ибо знал во что это может вылиться. Я специально оделся по-простому – рубашка и шаровары. Мой внешний вид всех удивил. Как потом писала в мемуарах Анненкова:

«Лицо Есенина (ему было тогда едва ли двадцать лет) действительно удивляло «девической красотой», но волосы не были ни цвета «золотистого льна», ни цвета «спелой ржи», как любят выражаться другие: они были русые, это приближается к пригашенной бесцветности березовой стружки».

Ввод атмосферный, установки. Резко Есенин бухой. Музыка. Есенин начинает читать свои стихи. У детей в установках прописано, что им интересен Есенин, но стихи слишком сложные, все не оценили. Тогда Есенин начинает буянить. После 2–3 стихов Анненкова говорит, что надо его успокаивать и вести на вокзал. Когда дети выводят Есенина из комнаты, он вырывается и бежит в цех поэтов. Там объявляет себя и тоже начинает бухой читать стихи. Там ему не рады. После этого он опять бежит, в этот раз к другим. И оттуда его выгоняют. После этого Есенин приходит к имажинистам (Мариенгофу и Шершеневичу), с ними обсуждает немножко что все фигня и надо новое писать.

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых ощенила сука,
Рыжих семерых щенят.*

*До вечера она их ласкала,
Причесывая языком,
И струился снежок подталый
Под теплым ее животом.*

*А вечером, когда куры
Обсиживают шесток,
Вышел хозяин хмурый,
Семерых всех поклат в мешок.*

*По сугробам она бежала,
Поспевая за ним бежать...*

*И так долго, долго дрожала
Воды незамерзшей гладь.*

*А когда чуть плелась обратно,
Слизывая пот с боков,
Показался ей месяц над хатой
Одним из ее щенков.*

*В синюю высь звонко
Глядела она, скуля,
А месяц скользил тонкий
И скрылся за холм в полях.*

*И глухо, как от подачи,
Когда бросят ей камень в смех,
Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.*

Там они создают имажинизм. Детям завязывают глаза, Есенин говорит, что вскоре отказался от этого жанра тоже, и начал писать свое, собственное, Есенинское.

Стихи:

*Там, где капустные грядки
Алой водой поливает восход,
Клененочек маленький матке
Зеленое вымя сосет...*

---

*Я ль виноват, что я поэт
Тяжелых мук и горькой доли,
Не по своей же стал я воле —
Таким уж родился на свет.*

*Я ль виноват, что жизнь мне не мила,
И что я всех люблю и вместе ненавижу,
И знаю о себе, чего еще не вижу, —
Ведь этот дар мне муза принесла.*

*Я знаю — в жизни счастья нет,
Она есть бред, мечта души больной,
И знаю — скучен всем напев унылый мой,
Но я не виноват — такой уж я поэт.*

---

*Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,*

*У церкви пред затворами древними
Поклонялись Пречистому Спасу.*

*Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.*

*Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».*

*Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешливо:
«Девки, в пляску. Идут скоморохи».*